

# Лидеры воюющих стран: Гитлер и Сталин как персонажи частушек периода Великой Отечественной войны

**Татьяна Владимировна Краюшкина,**

доктор филологических наук, заведующая центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.  
E-mail: kvtp@mail.ru

В данной статье автором раскрывается образ национального лидера в русском фольклоре. Для анализа выбраны две значимые фигуры XX в., лидеры-антагонисты: Гитлер и Сталин. В качестве материала использованы частушки Великой Отечественной войны — один из популярных жанров обозначенного периода. Фольклорные тексты возникают не на пустом месте, в них учитывается творческий опыт предшествующих поколений, опирающийся на сложную систему традиционных представлений о человеке и восприятии людей, зачастую трафаретно воспроизводимом. В фольклоре сформировано представление и о национальных лидерах — своих и чужих. По сути, такие персонажи транслируют образы исторически существовавших лиц, переосмысленных народом. Это же касается и образов национальных лидеров в частушках. Частушки о Гитлере имеют некоторую аналогию с корильными песнями и дразнилками, его изображение схоже с изображениями врагов Руси в былинах: он рисуется обжорой, человеком слабого характера, который возмнил о себе больше, чем есть на самом деле, его военные действия неудачны, в его адрес направлено активное пожелание смерти. Образ Сталина находится в диссонансе с традиционными представлениями о правителе: он либо гипертрофированно идеализирован (только ему приписывается победа, его приказы ждут с нетерпением, он заменил собой Бога), либо, напротив, в его адрес направлены сильная ненависть народа и пожелания смерти. **Ключевые слова:** русский фольклор, частушка, Великая Отечественная война, национальный лидер, Гитлер, Сталин.

**Hitler and Stalin, leaders of countries at War, as couplet characters of the Great Patriotic War's period.**

**Tatyana Krayushkina,** Centre of Cultural History and Intercultural Communication, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kvtp@mail.ru

In this paper, author describes the image of a national leader in Russian folklore. Two important figures of the 20th century, antagonist leaders, Hitler and Stalin, were chosen for analysis. Couplets of the Great Patriotic War, a popular genre of that period,

were used as material. Folklore texts appear not out of nowhere; the creative experience of previous generations resting upon a complex system of traditional ideas of human nature and perception of people, in many cases reproduced in clichés, is reflected in them. The idea of national leaders, the national and foreign ones, is also articulated in folklore. Essentially, these characters are a translation of historic persons' images reconceived by the people. It is also true in relation to national leaders' images in couplets. Couplets about Hitler have some common features with reproaching songs and ticklers; his image is similar to the ones of Russia's foes in epic poems: he is portrayed as a glutton, a flaccid person thinking too highly of himself; his military operations fall through; people wish him to die violently. Stalin's image is in discordance with traditional ideas of a sovereign: he is either idealized beyond measure (the victory is attributed to him solely, his orders are looked forward to, he replaces the God), or, on the contrary, people hates him strongly and wishes that he die.

**Key words:** Russian folklore, couplet, Great Patriotic War, national leader, Hitler, Stalin.

Русский фольклор по праву считается явлением сложным и многогранным. Существовая на протяжении столетий, он стал своего рода энциклопедией традиционных народных представлений о мире и о человеке в этом мире. В основном фольклор обращается к собирательным образам, классифицируя их по семейному статусу (мать, отец, родные и приёмные дети и пр. [15]), называя их характерными для русского народа именами, обозначая уточнением к имени социальную принадлежность или некую внешнюю особенность (Иван — крестьянский сын, Иван-царевич, Марфа-царевна, Марья краса долгая коса и пр. [6; 7]). Но в фонде русского устного народного творчества есть специфическая группа образов. Они являются особого, фольклорного, рода трансляцией образов исторически существовавших лиц, среди которых: князь Владимир и Илья Муромец, Иоанн Грозный и Пётр I, Екатерина II и Наполеон, адмирал Нахимов и Николай II и многие-многие другие. Особый интерес представляют парные персонажи, персонажи-антагонисты. Пожалуй, самой популярной парой национальных лидеров XX в., чьи образы были запечатлены в русском фольклоре, стали А. Гитлер и И. В. Сталин.

Одним из ведущих жанров устного народного творчества периода Великой Отечественной войны считается частушка. «Частушки — короткие рифмованные лирические песенки, которые создавались и исполнялись как живой отклик на разнообразные жизненные явления...» [5, с. 358]. «Их главное назначение не в описании событий, а в передаче чувств и мыслей по поводу этих событий, разнообразных настроений и переживаний» [13, с. 228]. Частушки состоят из двух, четырёх или шести строк. Небольшой размер произведений обозначенного фольклорного жанра становится одной из причин использования ярких, ёмких, метких изобразительных средств. Эту особенность мы находим и в описании лидеров Германии и СССР.

Во время Великой Отечественной войны частушки, кроме своей непосредственной, эстетической, выполняли и агитационную функцию: они в негативном свете изображали главного врага СССР — А. Гитлера и, соответственно, идеализировали вождя советского народа И.В. Сталина. Фольклорные тексты возникают не на пустом месте: в них учитывается творческий опыт предшествующих поколений, опирающийся на сложную систему традиционных представлений о человеке и восприятии людей, зачастую трафаретно воспроизводимом. Это же касается и образа А. Гитлера в частушках: он рисуется комически, не вызывает жалости. Именно эти черты фольклорных жанров — комичность в изображении и отсутствие жалости — свойственны корильным песням и дразнилкам, со временем вошедшим в детский репертуар. Схожее изображение антагонистов есть и в других жанрах, например, в былинах.

Гитлеру в частушках приписывается обжорство. Этими же чертами наделены былинные персонажи — враги Византии и Святой Руси: Идолице (он пьёт *по три ведра зелена вина* и хлебает щи, сваренные из целой тёлки) и Тугарин Змеевич (*«несчётно хлеба ест, по целой ковриге за щеку мечет»* [2, с. 87]; Алёша Попович в лицо сравнивает Тугарина Змеевича *со старой собачищей и старой коровищей*, которые от обжорства издохли). В корильных песнях, которые бытовали в новогодней и масленичной обрядности, и в свадебном обряде (исполнялись для представителей чужого рода — рода жениха), выражена система народных представлений «о безобразном в жизни» [9, с. 106], в т.ч. и об обжорстве. Так, Масленицу упрекали в том, что она *«сама всё пожрала»* [8, с. 202]. Обжорство, по мнению русских, было одной из характеристик военослужащих (войско в народе именовали *обжорной командой* [3, с. 450]), прожорливость приписывается и собаке (*Собака обжора, а кошка сластёна* [3, с. 590]). В дразнилках также высмеивается обжорство чужих (персонажи называются отстранённо — по именам, а не по степени родства):

Федя-медя-требуха  
Съел корову, и быка,  
И пятнадцать поросят,  
Только хвостики висят [14, с. 297].

В русском фольклоре обжорство связано с образом рыла: *«Одним рылом и глядит»* (так характеризуют обжору) [3, с. 531]. Мотивы *рыла* — *свиного рыла* и *обжорства* — появляются и в частушках о Гитлере, при этом обжорство (захват советской земли) наказывается:

Гитлер сунул своё рыло  
В наш советский огород,  
А ему таких задали,  
Не успел закрыть и рот [10, с. 74].

Этому же запрету — *«совать свиное рыло в наш советский огород»* — предшествует налагаемый и на другие действия Гитлера запрет *шипеть* (вспомним, что *шипят по-змеиному* другой враг русского народа — былинный Соловей-Разбойник, которому также отказано в человеческом обличье).

Причиной обжорства Гитлера называется зависть *«на советские пожитки»* [10, с. 76]. Но и здесь следует запрет *разевать рот на советский каравай* (на Руси почётных гостей встречали хлебом-солью, это своего рода указание на то, что фюрер не являлся желанным гостем).

В других частушках об обжорстве Гитлера говорится о его неудачных попытках утолить голод, инициатором которых выступает он сам:

Гитлер вздумал угоститься —  
Чаю тульского напиться.  
Зря, дурак, позарился —  
Кипятком ошпарился [19].

Также в частушках сообщается о желании Гитлера *«съесть Советы»*, но ему *«не хватает силушки»* [17, с. 60]. Персонаж претендует на лучшее угощение: *«едет Гитлер к нам на танке пить вино и есть баранки»* [11, с. 68], его же ожидает другое угощение — граната; *мечта о пышках* оборачивается *синяками и шишками*.

Вторая группа частушек являет россыпь прочих отрицательных характеристик фюрера. Она имеет сходство с дразнилками, их суть сводится к следующему: высмеиваются некие внешние черты персонажа или его несуразные действия, приводящие к плачевному для него самого результату. В дразнилках повествуется о Витьке, который *«с тараканом дрался, чуть не обмарался»* [16, с. 296], о немце-перце, предпочитавшем прогулки верхом: он *«сел задом наперёд и поехал в огород»* [14, с. 251], о Катерине, чей портрет написан *«не чернилом, не пером, из лохани помелом»* [16, с. 297] и пр.

Образ Гитлера в этой группе частушек схож с образом слабого человека (ребёнка или женщины), не умеющего проявить стойкость в критической ситуации. Подобно ребёнку Гитлер *хнычет и мучается в кошмаре* из-за предательства (*«Изменила мне Румынья, бросила Болгария»* [14, с. 220]), *бредит по ночам*. Впрочем, слёзы фюрера в заветной (т.е. официально не разрешённой) частушке представлены несколько в ином ключе, так как являют миру и страдания воинов-освободителей:

Скоро Гитлер будет плакать,  
Как бы ноги унести!  
А у нас с войны калеки  
Тоже будут не в чести [4, с. 86].

Действия фюрера вызывают смех, воспринимаются гротескно (*«Видишь, Гитлер на смех курам наряжается орлом»* [10, с. 78]).

Другая частушка в более комичном виде изображает попытку Гитлера *вывернуть мир наизнанку*: он в результате *надорвал живот*. Фюрер, обладатель *твёрдого лба*, чья способность к передвижению сводится к ползанию, одновременно является и владельцем вшей («у него *четыре вши, все по килограмму*» [1, с. 195]), в чём сам, сидя на заборе, и сознаётся в письме. Кроме того, он именуется *идиотом*, потому что «*страхом держит свой народ*» [10, с. 81], и *косорылым*; сравнивается и с нечистой силой.

Армия Гитлера и его приближённые выступают в частушках одной из характеристик фюрера. Его армия состоит из *отменных негодяев* и *отборных подлецов*, у него на службе значатся исключительно знаменитости, ведущие войну не по правилам: «*Мародёры, и бандиты, и по кражам мастера*» [10, с. 77]. Гитлер задаёт Геббельсу вопрос: «*Кто тебя на свет родил?*» И получает ответ: «*Кровожадный крокодил*» [10, с. 79]. Фюрер не выполняет функцию (в сравнении со Сталиным, согласно частушкам) заботливого руководителя, его солдат страдает от голода: «*Подтянул он свой ремень по совету фюрера*» [10, с. 77].

Значительная группа частушек показывает Гитлера в военных действиях. Здесь он выступает скорее собирательным образом немецкой армии, неудачи которой под Москвой нашли отражение в ряде текстов. Преимущественно непобедимость Москвы изображается оптимистично:

Ехал Гитлер на Москву  
На машинах-таночках,  
А оттуда, из Москвы —  
На разбитых саночках [19].

Образ саночек в частушке появляется не случайно: на них отвозили покойников на кладбище. Хвастовство Гитлера очевидно в мнимом уничтожении столицы («*Гитлер сам себя хвалил, что Москву дотла спалил*» [20]), но она непобедима («*Он спалил её раз двести, а она стоит на месте*» [20]).

Прочие частушки сообщают фюреру о недостижимости его цели и предрекают потерю Берлина. Так, в одной Гитлер спрашивает Геринга: «*Что ж Москву не разбомбил?*» [10, с. 73]. Ответ Геринга содержит и характеристику Гитлера, и информацию о хорошем вооружении советской армии:

Тот ответил: «Больно прыток,  
Знаешь, сколько там зениток?» [10, с. 73].

Заветная же частушка представляет окружение Москвы в ином ключе: уверенность советской армии в собственных силах оказалась надуманной:

Мы — сильней Гитлера! —  
Каждый твёрдо знал...  
Он за три месяца  
Чуть-чуть Москву не взял [4, с. 183].

Другие частушки повествуют о невозможности занять Сталинград и угрозе физической расправы *Гитлеру косому* («*К Сталинграду подойдѣшь, пулю слопаешь*» [17, с. 62]). В них — мотив неудачного приёма пищи и употребления напитков: *подавился Сталинградом, «заварили сами пиво, да не могут расхлебать»* [10, с. 73]. Бои в Сталинграде ощущаются фюерром лично: он не может «*лечь и сесть: в синяках спина и зад — след оставил Сталинград*» [10, с. 73]. Неудачными оказываются и попытки Гитлера захватить Ленинград, Оскол, Орёл, Ростов, *расправит Курскую дугу*, он не имеет возможности испить воды из Волги или Дона, из-за неудач на этих реках у него развилась водобоязнь. Доставляют Гитлеру хлопот и партизаны — Орловские и Брянские.

Значительными по своему количеству являются частушки-зложелательства, предрекающие смерть фюереру, которая может описываться отстранѣнно (посредством выражений *выйдет задом наперѣд, могила, капут, каюк, Гитлеру конец* и пр.) или с уточнением (насильственным или ненасильственным будет окончание жизни). Смерть неминуема, и произойдѣт в скором времени. Гитлеру отказано в принадлежности к человеческому роду: он *за грабѣж шкурой* разочтѣтся, фюерер даже сравнивается с волком: «*Скоро лопнет волчья шкура, будет Гитлеру конец*» [10, с. 68], аналогия со зверем прослеживается и в описании смерти: не умрѣт, а *сдохнет*. В частушках очевидно активное желание граждан СССР уничтожить Гитлера: например, повесить его *на кривой осине* (по легенде, на осине повесился Иуда, предавший Христа), потому что на это *будет любо-дорого смотреть*. Смерть Гитлера может быть вызвана и гиперболизированным топотом советского воина:

Я желаю, чтобы Сеня  
Так ногою топнул,  
Чтоб от этого трясения  
Чѣрный Гитлер лопнул [10, с. 80].

Гитлер будто бы предчувствует скорую смерть. В одной из частушек говорится, что он «*сидит на дороге, в лапти обувается*» [19]. Но лапти не простые: «*А на них написано: жизнь его кончается*» [19]. Не случайно в частушке появляется упоминание лаптей. Они имеют переносное значение (слово *лапоть* обозначает простака, необразованного человека) и одновременно являются показателем скорой смерти фюерера (лапти снашивались мужчинами за неделю).

Что же может способствовать смерти Гитлера? Согласно текстам частушек, не только активное сопротивление Советской армии («*Красна Армия дерѣтся — будет Гитлеру конец*» [12, с. 367]), но и мирные действия находившихся в тылу («*Каждый колос, с поля снятый, близит с Гитлером расплату*» [12, с. 373]).

Смерть фюрера вызовет ряд действий Советской армии или её отдельных бойцов: «*советские машины по Берлину побегут*» [19]. Его смерть выполняет утилитарную функцию: она означает окончание войны и, как следствие, возвращение любимых с победой домой. Одна из частушек перекликается с заговором. В такой частушке-заговоре излагается обращение к бомбе с просьбой причинить Гитлеру вред, потому что из-за него любящие находятся в разлуке:

Разорвись, фугасна бомба,  
В ряд зелёных ёлочек,  
Оторвись, башка у Гитлера,  
Воротись, милёночек [10, с. 95]!

Впрочем, возвращение милёночка может быть и не столь радужным. Заветные частушки изображают иной результат смерти Гитлера: бывший воин-освободитель будет вынужден побираться («*А вернётся он домой — иди по миру с сумой*» [4, с. 86]), если же вернётся инвалидом, то его удел будет ещё более печальным («*Будет постный есть супец*» [4, с. 83]). Т.е. кончина фюрера не принесёт воинам материального благополучия.

Незначительная группа частушек использует образ Гитлера опосредованно: он служит для характеристики других образов. Фюрер начал войну, стал разлучником любящих людей и причиной их страданий: «*Из-за тебя страдает милый, а по нём страдаю я*» [10, с. 100]; из-за него погиб любимый («*Меня сироточкой оставил, ягодиночку убил*» [18, с. 202]). Но некоторых жителей СССР Великая Отечественная война будто бы и не коснулась. Не является секретом нелюбовь русских к евреям, нашла она своё отражение и в частушках, связанных с образом Гитлера:

— Сколько Гитлер не воюет,  
Всё равно ему каюк! —  
Так сказал еврей Абраша,  
Уезжая на юг [4, с. 69].

Русские былины и исторические песни, волшебные сказки и несказочная проза, дореволюционные песни в силу своей специфики изображали русских правителей с положительной или отрицательной стороны. Особенностью такого изображения можно считать отсутствие гиперболизированных идеализации или поругания образа: даже любимый князь русского народа Владимир Красно Солнышко трусливо прячется от свиста Соловья Разбойника, не отличается щедростью — именуется *ненаградливым*. К Александру I, *благочестивому царю*, даже умершему, обращаются подданные с просьбой восстать из могилы и восстановить прежний порядок, потому что на царскую власть посягают не имеющие на неё права.

Николай II порицается в дореволюционной песне за пристрастие ко всему нерусскому и праздный образ жизни. Но никто из правителей в народном сознании — и, соответственно, в русском фольклоре — не возводился на уровень Бога, потому что *Бог — на небе, царь — на земле*.

В этом плане в конфликт с традиционным народным мировосприятием вступают частушки о И. В. Сталине. Очевидно деление их на две группы: в одной Сталин идеализируется, в другой порицается. Первая группа частушек не имеет столь ярко выраженной эстетической ценности, как прочие произведения этого жанра, вероятно, по причине того, что не все тексты создавались народом (это видно по некачественно воспроизведённой поэтике частушек (вспомним не совсем удачные былины о Ленине и Сталине)), а были авторскими, активно внедряемыми в фонд устного народного творчества в агитационных целях. Итак, каким же предстаёт Сталин в этих текстах и какие функции он выполняет?

Безусловно, главная функция вождя во время войны — вести к победе, именно это поможет уничтожить врага («*Нас ведёт к победе Сталин, и врага мы разгромим*» [10, с. 61]). Сталин — некий маркер неминуемой победы: он *приведёт к победе, победим везде с тобой, победим во всех боях*. Сталин именуется в этих — победоносных — частушках *товарищем Сталиным, великим Сталиным, любимым Сталиным, величайшим командиром*. Он обладатель перста, указующего направление к победе: «*Нам к победе все пути Сталиным указаны*» [10, с. 63].

Причину долгожданной победы опять-таки видят в Сталине. Именно он — великий победитель, все же прочие участники военных действий остаются за рамками повествования. Идеализация лидера нивелирует границы государства, касаясь и небесной сферы:

Ярко солнышко сияет,  
Ярко звёздочки горят.  
За победу все народы  
Сталина благодарят [10, с. 64].

Вторая, не менее значимая, функция Сталина — отдавать приказы. И советские люди ждут их и стремятся в точности исполнить. Любопытно, что в этих частушках лидер СССР называется преимущественно только *Сталиным*, без дополнительных эпитетов. Если же эпитеты используются, то следующие: *дорогой товарищ Сталин* (в сознании народа любовь к вождю и его величие ассоциируются не с отдаваемыми приказами, а только с ожидаемой победой). Приказы Сталина весьма лаконичны и связаны с военными действиями: *бить фашистов много раз, бить фашистов метко, крепко, чтоб не скрылись гады*. Приказ имеет и ответную реакцию: советские воины обещают выполнить его *с честью*.

Третья функция Сталина такова: он становится объектом активного поклонения, заменив собой Бога. Именно Сталину приносятся клятвы.

Они просты, как и сама жизнь советского обывателя, невольно включённого в сферу войны. Клятва приносится от лица всех граждан:

Наша армия из стали,  
Наша песенка проста.  
Дорогой наш маршал Сталин,  
Не сойдёт никто с поста [10, с. 62]!

Тыл тоже приносит Сталину свою клятву, причём делает это по собственной инициативе: *«Урожай богатый снимем, нашей армии пошлём»* [10, с. 64].

Искажённым отображением цитаты из «Послания к римлянам» святого апостола Павла «Если Бог за нас, то кто против нас?» является замещение этой идеи в одной из частушек: «С нами Сталин». За него, а не за Бога и за веру православную готовы уже отдать жизнь советские люди (*«Жизнь готовы мы отдать за тебя, наш Сталин»* [10, с. 61], для сравнения: *за родину же советскую отдаются лишь все силы*). С именем Сталина идут в бой (*«С твоим именем великим мы идём на правый бой»* [10, с. 70]). Если Гитлеру активно отказывается в принадлежности к человеческому роду по причине его звероподобия, то Сталин тоже уже не человек, но выше: никто другой не обладает особой способностью *светить разумом* на весь мир, этот навык, судя по тексту, наделяет непобедимостью армию СССР:

Наша армия сильна  
И непобедимая.  
Разум светит из Кремля  
Сталина любимого [10, с. 64].

Да и характеристики персонажа для этой группы частушек выбирают особые: в них непременно обозначение личной принадлежности (Сталин *наш*), упоминание высоких руководящих званий (*маршал Сталин, наш нарком*), в эпитетах очевидно обожание (*дорогой товарищ Сталин, любимый Сталин*).

Заветные частушки зачастую зеркально отображают функции Сталина. Победа в Великой Отечественной войне даётся советскому народу тяжело: Сталин выступает разлучником семей (детям рекомендуется не ждать отца к обеду, потому что *«он ушёл добывать Сталину победу»* [4, с. 66]), воинам на фронте приходится несладко (победа во всех боях предполагается *«на перловке, и на пиёнке, и на чёрных сухарях»* [4, с. 75]). В заветных частушках подразумевается победа не только над немецкой армией, но и над своим народом (*«без порток народ оставили и шкуру с них сдерём»* [4, с. 32]). Особо изображаются отношения Сталина и воинов Советской армии, среди них калеки (*«на войне из меня сделал калеку-обрубка...»* [4, с. 32]) и наказанные тюрьмой за немецкий плен:

Что нас брали в плен —  
 Был не Семён виной.  
 Наградил их Сталин  
 Ссылкой и тюрьмой [4, с. 185].

Культ Сталина нивелируется. Советский народ признаёт очевидное: «Для меня в войну Сталин был как Бог!» [4, с. 185], причиной же этого называет пропаганду, ослепившую и лишившую слуха. Калеки понимают, что они теперь — отработанный материал:

«В бой за Сталина!» —  
 Я и сам орал.  
 Искалечен в бою —  
 Теперь лишним стал [4, с. 186].

Сталин не воспринимается идеалом, за который можно умереть. Жизнь свою отдать можно, утверждает частушка «*вместе с ним себя миной чтоб взорвать*» [4, с. 187], говорится и о желании «*повесить Сталина, но не его портрет*» [4, с. 187]. Настоящие ценности возвращаются в сознание людей: жизнь собственного ребёнка вновь становится важнее жизни вождя (лирический герой частушки желает поменять сына, попавшего в плен к немцам, на Сталина). В этих частушках национальный лидер именуется *Сталиным, великим Сталиным и товарищем Сталиным* (первое имя нейтрально, два же других из-за содержания частушек меняются на прямо противоположные).

Малая группа частушек изображает Гитлера и Сталина одновременно. Обращает внимание следующая особенность: преимущественно это заветные частушки. Война представлена *ссорой* Сталина и Гитлера, в результате которой страдают другие люди:

Ой, ребятушки-солдатушки,  
 Неужто не поймём? —  
 Сталин с Гитлером ссорятся —  
 Мы головы кладём [4, с. 73].

Разницы между Гитлером и Сталиным нет, эта идея выражается в ряде частушек, где «*Гитлер Сталину был братом*» [4, с. 66], а родство с нечислительной силой приписывается им обоим через общего крёстного. Сходство между лидерами выражается и в том, что за них обоих войны клали свои головы, умирая с их именами на устах: «*У фашиста — „Хайль Гитлер“, а „За Сталина!“ — у нас*» [4, с. 66].

Итак, частушки периода Великой Отечественной войны донесли яркие образы национальных лидеров — Гитлера и Сталина. Характеристики персонажей находятся в рамках традиционных народных представлений

с учётом ритмики и рифмы песенного жанра. Образ Гитлера — закономерное продолжение цепочки образов лидеров-врагов Святой Руси: он оценивается по тем же признакам, что и его предшественники (обжорство, слабость характера, внешнее уродство), новым является активное пожелание смерти. Образ Сталина диссонирует с изображением предшествовавших лидеров-правителей нашего государства: его чрезмерная идеализация вызывает и повышенное неприятие этого лидера народом.

#### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бахтин В. 1000 частушек Ленинградской области. Л.: Лениздат, 1969. 223 с.
2. Былины. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1952. 133 с.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 608 с.
4. Заветные частушки из собрания А.Д. Волкова. В 2 т. Т. 2. Политические частушки / сост. А.В. Кулагина. М.: Ладомир, 1999. 500 с.
5. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. М.: Флинта: Наука, 1998. 400 с.
6. Краюшкина Т.В. Мотивы маскарада и обнажения в русских народных волшебных сказках: классификация и функции // Россия и АТР. Владивосток. 2007. № 1. С. 82—91.
7. Краюшкина Т.В. Специфика выражения эмоций (на материале русских народных волшебных сказок Дальнего Востока) // Россия и АТР. Владивосток. 2009. № 2. С. 159—164.
8. Круглов Ю.Г. Корильные песни // Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: Высш. школа, 1982. С. 202—209.
9. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: Высш. школа, 1982. 272 с.
10. Народное творчество в годы Великой Отечественной войны / сост. В.А. Тонков. Воронеж: Воронеж. обл. книгоиздательство, 1951. 140 с.
11. По партизанским дорогам / сост. И. Швец. Брянск: Изд-во «Брянский рабочий», 1954. 120 с.
12. Русские частушки / предисл. и отбор текстов Н.И. Рождественской и С.С. Жилиной. М.: Гос. изд-во Художественной литературы, 1956. 495 с.
13. Свиридова Л.М. Русское устное народное творчество. Владивосток: Изд-во ПИППКРО, 2007. 292 с.
14. Традиционный фольклор старообрядцев Бурятии (семейских) в современном бытовании (по материалам полевых исследований конца XX — начала XXI в.) / отв. ред. Р.П. Матвеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 316 с.
15. Фетисова Л.Е. Восточнославянская баллада и близкие ей формы на юге Дальнего Востока России // Россия и АТР. Владивосток. 2009. № 2. С. 237—246.
16. Фольклор Дальнеречья / сост. Л.М. Свиридова. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1986. 288 с.
17. Частушки / сост. сб. и предисл. А. Тищенко. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны Союза ССР, 1957. 159 с.
18. Частушки / сост., авт. предисл. и коммент. Л.А. Астафьева. М.: Современник, 1987. 494 с.
19. Частушки о войне // Сайт «Любимый праздник». URL: <http://ljubimyj-prazdnik.ru/yumor/chastushki/521044/> (дата обращения: 24.02.2015).
20. Частушки про немцев // Официальный сайт краеведов с. Конь-Колодезь. URL: <http://konkolod.ru/2-24.html> (дата обращения: 24.02.2015).

## REFERENCES

1. Bahtin V. *1000 chastushek Leningradskoj oblasti* [1000 couplets of Leningrad Oblast]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1969, 223 p. (In Russ.)
2. *Byliny* [Russian epic poems]. Moscow, Gos. Izd-vo hud. literatury Publ., 1952, 133 p. (In Russ.)
3. Dal' V.I. *Poslovyicy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000, 608 p. (In Russ.)
4. *Zavetnyje chastushki iz sobranija A.D. Volkova v 2 t. T. 2. Politicheskie chastushki* [Forbidden couplets from A.D. Volkov's collection in 2 vol. Vol. 2: Political couplets]. Moscow, Ladomir Publ., 1999. 300 p. (In Russ.)
5. Zueva T.V., Kirdan B.P. *Russkij fol'klor* [Russian Folklore]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 1998, 400 p. (In Russ.)
6. Krajushkina T.V. Motivы maskarada i obnazhenija v russkikh narodnyh volshebnyh skazkah: klassifikacija i funkcii [Masquerade and baring motives in Russian folk magic fairytales: classification and functions]. *Rossija i ATR*, Vladivostok, 2007, no. 1, pp. 82—91. (In Russ.)
7. Krajushkina T.V. Specifika vyrazhenija jemocij (na materiale russkikh narodnyh volshebnyh skazok Dal'nego Vostoka) [Unique features of expressing emotions (on material of Russian folk magic fairytales of the Far East)]. *Rossija i ATR*, Vladivostok, 2009, no. 2, pp. 159—164. (In Russ.)
8. Kruglov Ju.G. Koril'nyje pesni [Reproaching songs]. *Russkije obr'adovye pesni: ucheb. posobie*. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1982, pp. 202—209. (In Russ.)
9. Kruglov Ju.G. *Russkije obrjadovye pesni* [Russian ceremonial songs]. Moscow, Vyssh. shkola Publ., 1982, 272 p. (In Russ.)
10. *Narodnoje tvorcestvo v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Folklore in years of the Great Patriotic War]. Voronezh: Voronezh. Obl. knigoizdatel'stvo Publ., 1951, 140 p. (In Russ.)
11. *Po partizanskim dorogam* [Down the guerilla roads]. Brjansk: Brjanskiy rabochij Publ., 1954, 120 p. (In Russ.)
12. *Russkije chastushki* [Russian couplets]. Moscow, Gos. izd-vo Hudozhestvennoj literatury Publ., 1956, 495 p. (In Russ.)
13. Sviridova L.M. *Russkoje ustnoje narodnoje tvorcestvo* [Russian oral folklore]. Vladivostok, PIPPKRO Publ., 2007, 292 p. (In Russ.)
14. *Tradicionnyj fol'klor staroobr'adcev Burjatii (semejskih) v sovremennom bytovanii (po materialam polevyh issledovanij konca XX—nachala XXI v.)* [Traditional folklore of Buryatia's Old Believers (Semeyskie) in modern usage (on materials of field research of late 20th—early 21st century)]. Ulan-Ude, BNC SO RAN Publ., 2008, 316 p. (In Russ.)
15. Fetisova L.E. Vostochnoslavjanskaja ballada i blizkije ej formy na juge Dal'nego Vostoka Rossii [East-Slavic ballad and similar forms in the South of Russian Far East]. *Rossija i ATR*, Vladivostok, 2009, no. 2, pp. 237—246. (In Russ.)
16. *Fol'klor Dal'nerech'ja* [Dalnerechye's folklore]. Vladivostok, DVGU Publ., 1986, 288 p. (In Russ.)
17. *Chastushki* [Couplets]. Moscow, Voennoje izd-vo Min-va oborony Sojuza SSR Publ., 1957, 159 p. (In Russ.)
18. *Chastushki* [Couplets]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987, 494 p. (In Russ.)
19. *Chastushki o vojne* [Couplets about war]. Available at: <http://ljubimyj-prazdnik.ru/yumor/chastushki/521044/> (accessed 24.02.2015).
20. *Chastushki pro nemcev* [Couplets about Germans]. Available at: <http://konkolod.ru/2-24.html> (accessed 24.02.2015).